

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

Наша Уланова

Каждый раз, когда я встаю за дирижерский пульт на спектакле, в котором танцует Галина Уланова, я с волнением думаю о той огромной силе воздействия, которой обладает ее искусство. Каждое па танца Улановой исполнено смысла и чувства, а ее совершенная техника — лишь средство выражения огромной идеи, которая всегда ясна зрителю, всегда захватывает его.

Танец Улановой описать невозможно, как нельзя описать гениальную музыку или бессмертные стихи. Но можно и должно говорить о развитии дарования Улановой.

Не случайно подчеркиваю я слово «развитие». Может быть именно в нем — наиболее точная характеристика творчества Улановой. Оно, действительно, находится в непрерывном развитии: не было ни одного представления «Ромео и Джульетты», «Золушки», «Медного Всадника», «Бахчисарайского фонтана», «Жизели», когда бы Уланова в точности повторила предыдущий спектакль. И более того: она всегда выходит на сцену духовно богаче, чем в прошлый раз; она всегда находит, от чего отказаться во имя большего лаконизма образа, и всегда привносит в него нечто новое, что помогает ей сегодня, сейчас, эту минуту быть наиболее достоверной, волнующей и еще более прекрасной, чем когда бы то ни было; так убеждаемся мы в том, что нет предела совершенству.

Тот, кто видел ежедневный класс Улановой, знает, с каким упорством, дисциплиной, отрешенностью от всего внешнего работает она над каждым движением. Уланова всегда помнит о своих профессиональных обязанностях, она всегда была и есть человек долга, для которого нет ничего выше, чем требования дела. Ее собранность, «выключенность» из окружающего мира сохраняются и углубляются на репетициях и в какой-то невиданной прогрессии возрастают к спектаклю так, что к его началу уже нет Улановой-актрисы, а есть жизнь той, которую она творит сегодня своим танцем.

Когда в феврале 1935 года Уланова впервые выступила на сцене Большого театра, нас больше всего поразило ее полное слияние с музыкой, ее умение сделать мелодию зримой и завершенной, оживляющей перед нами видения самого Чайковского в дни создания «Лебединого озера».

Молодая девушка, очень скромная, даже застенчивая, очень просто одетая, светловолосая и светлоглазая, пришедшая на первую репетицию, казалась такой неуверенной. И вдруг она совершенно преобразилась: не только волшебная птица, парящая в недостижимой вышине музыки и поэзии сказки, но живое и прекрасное человеческое чувство любви, веры, верности обрело плоть в танце, бесцелестном и убедительном, как чудо и реальность. Не только «вечно женственное», я бы сказал, «вечно девическое» начало жило в этом образе Лебедя, но и коварство, и неотрази-

мое обаяние, и сверкающий, стремительный, полный экспрессии танец Одиллии показал нам, кто перед нами.

А надо вам сказать, что артисты оркестра — народ очень требовательный и, говорят, даже придиричивый. Но уж если их что-нибудь потрясает и покоряет, значит это по-настоящему хорошо. В первую же встречу Уланова была признана не только артистами оркестра, но всем балетом Большого театра, всеми москвичами. И если бы понадобилось наиболее кратко и выразительно раскрыть тогдашнее наше восприятие искусства Улановой, то следовало бы, наверно, воспользоваться словами Гёте: «...Она всей душой, всем сердцем в танце. Вся ее фигура — гармония; она держится так беззаботно, так свободно, точно это для нее все, точно больше она ни о чем не думает, ничего не чувствует, и, конечно, в эту минуту все остальное исчезает для нее». Не правда ли, трудно себе представить, что автор романа «Страдания молодого Вертера», говоря об идеале танца, писал не об Улановой?

Мне выпала радость дирижировать всеми спектаклями Большого театра, где танцевала великая балерина. У меня на глазах происходило формирование образов сказочной Золушки и призрачной Жизели; такой реальной, земной и все-таки необыкновенно одухотворенной Катерины, нежной и героичной Тао Хоа, истинно пушкинских Марии и Парали, истинно шекспировской Джульетты... Всегда и везде балерина была новой. Всегда и во всем она была Улановой: изысканной и простой, возвышенной и исполненной чувства.

Примечательно, что даже ее концертные номера — эти крохотные по времени и огромные по мысли шедевры — озарены все той же великой человечностью, которая свойственна и улановским образам больших спектаклей. Когда она танцует Рахманинова, Шопена или Сен-Санса, Шумана или Листа на эстраде, пред зрителем, так же как на сцене, проходят вечные темы, великие страсти человеческой жизни и смерти. Так трехминутный номер оказывается необыкновенно содержательным, насыщенным и глубоким, способным воодушевить зрителя, вдохновить композиторов на создание новой музыки, поэтов — на создание новых стихов.

Когда Уланова была в Китае, знаменитый Ай Цин именно в стихах воссоздал неповторимо поэтичную картину творчества Улановой:

Нежна, как облако,
Легка, как ветер,
Светлее, чем месяц,
Спокойней, чем ночь,
Плывет по воздуху ее тело.
Это — не фея небесная,
Это — не земная богиня, —

Прекраснее, чем сон,
Трогательнее мечты, —
Это жемчужина трудового творчества...

Целомудренное и возвышенное искусство Улановой известно во всем мире как высшее достижение современной художественной жизни. Творчество русской советской балерины понятно и дорого огромному числу людей именно потому, что его отличают лучшие черты советского искусства — любовь к человеку, его прославление, его поэтизация.

Лондон, видевший триумфы Анны Павловой, воспринял Уланову, как чудо. Ее успех, как говорили сами англичане, не имел ничего равного в прошлом. А сама Уланова считает, что «мы сделали все, что могли, но должны в дальнейшем сделать гораздо больше». Так примерно можно сформулировать точку зрения Галины Сергеевны Улановой на настоящее и будущее советской хореографии.

Но как бы ни были справедливы требования Улановой, как бы высоки ни были критерии, которыми она пользуется при оценке явлений искусства, мы не можем не знать, что ее собственное творчество сегодня — образец совершенства.

Сотни и тысячи людей, созерцая танец Улановой, трепещут и радуются высшей, просветленной радостью приобщения к Красоте. Наверно, поэтому, глядя на танец Улановой или даже только думая о нем, человек вспоминает все самое светлое и дорогое из того, что дала ему жизнь. И за это мы — зрители, мы — товарищи по искусству, мы — друзья по театру, благодарим Галину Сергеевну Уланову, столь справедливо, столь заслуженно награжденную премией имени Ленина, великой наградой народа, которому она отдает все свое творчество.

Ю. ФАЙЕР,
Народный артист СССР

